

УДК 342.34

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).33-42

КОНЦЕПЦИЯ ПАРТИСИПАТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ЗА И ПРОТИВ

Н. А. Шавеко

Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Россия

Введение. В конце 1960-х гг. в западной политико-правовой мысли зародилась так называемая теория демократии участия (партиципаторной демократии), а в 1970-е гг. она получила особое распространение. **Цель.** В статье осуществляется всесторонний анализ указанной теории: кратко формулируется её суть, а далее рассматривается, в каких исторических и интеллектуальных условиях она возникла и развивалась и каковы её основные достоинства и недостатки. **Методология.** С этой целью используются методы исторического, сравнительного и нормативного анализа. **Результаты.** Отмечено, что теория демократии участия возникла как реакция на господствовавший в послевоенной западной науке демократический элитизм, однако не вытеснила его полностью, так что сегодня имеются известные представители и демократического элитизма, и демократии участия, и появившихся позднее теорий. Осуществлена критика теории демократии участия с точки зрения двух её базовых ценностей: политического равенства и политического участия. Показаны как относительность этих ценностей, так и сомнительность их взаимосвязи, а также продемонстрировано, что обе эти ценности далеко не всегда способствуют достижению желаемых результатов. Среди положительных черт демократии участия назван её акцент на массовом политическом участии как на действенном средстве установления реального влияния населения на политические процессы. Кроме того, утверждается, что демократия участия отстаивает продуктивный взгляд на традиционные либеральные ценности свободы и равенства как на средства обеспечения каждому индивиду возможностей для самоактуализации. Положительно оценивается акцент сторонников демократии участия на необходимости преодоления экономического неравенства и повышения доступности образования, а также взгляд партиципаторных демократов на избирателей не как на эгоистов, а как на ответственных граждан. **Заключение.** Делается общий вывод, что на сегодняшний день демократия участия имеет лишь ограниченную нормативную привлекательность, а степень её применимости сильно зависит от конкретных эмпирических условий.

Ключевые слова: демократия участия; демократическая теория; политическое участие; политическое равенство; децентрализация.

1. Введение

Настоящая статья посвящена одной из нормативных теорий демократии – так называемой демократии участия (партиципаторной демократии), появившейся в западной политической философии в конце 1960-х гг. и получившей особое распространение в 1970-е гг. (К. Кук и П. Морган, П. Бахрах, Д. Крамер, К. Пейтмен, К. Макферсон и др.). В тех или иных вариациях эта модель демократии развивалась также в 1980-е гг. (например, концепция «сильной демократии» Б. Барбера) и в 1990-е гг. (например, концепции «ассоциативной демократии» П. Хёрста, а также Дж. Коэна и Дж. Роджерса, концепция «инклюзивной демократии» Т. Фотопулоса, собственная концепция И. Маус и др.)

и до сих пор не канула в лету, являясь предметом монографических исследований [1; 2] и многочисленных научных статей, что демонстрирует актуальность детального анализа указанной теории. В настоящей статье сначала кратко формулируется суть данной теории, далее рассматривается, в каких исторических и интеллектуальных условиях она возникла и развивалась, а также каковы её основные достоинства и недостатки. Основным тезисом, который будет отстаиваться в рамках настоящей статьи, является утверждение, что, несмотря на свою актуальность, демократия участия имеет лишь ограниченную нормативную привлекательность, а степень её применимости сильно зависит от конкретных эмпирических условий.

2. Сущность демократии участия, её зарождение и развитие

В первые два десятилетия после окончания Второй мировой войны в западной науке господствовало нормативное представление, которое американский политолог П. Бахрах назвал демократическим элитизмом [3]. Согласно этому представлению, черпающему вдохновение в трудах М. Вебера и Й. Шумпетера, обычный гражданин не обладает достаточными способностями и возможностями для самостоятельного принятия политических решений, однако способен сделать осознанный выбор в пользу того или иного представителя, в свою очередь выборность представителей обеспечивает если не правление в интересах народа, то по крайней мере защиту от явно антинародной тирании. Отсюда, представительная модель правления, в которой роль граждан сводилась лишь к избранию представителей, считалась нормативно обоснованной и притом демократичной. Непосредственное же влияние народа на проводимую политику считалось нежелательным ввиду опасностей «массовизации политики», чему способствовал не только институт представительства, но и механизм разделения властей, закрепление прав человека, интеграционные международные процессы и т. д. [4, с. 208–249]. В этих взглядах демократических элитистов было как минимум два слабых звена: во-первых, не ясно, почему народ следует считать неспособным к непосредственному правлению, но при этом способным к выбору правителей; во-вторых, сомнительно, что ограничение политического участия народа функцией контроля за элитой является надёжной гарантией защиты интересов избирателей и/или недопущения тирании. При таких обстоятельствах актуальным стал вопрос о переосмыслении масштабов и способов участия граждан в политике, и именно этот вопрос подняли теоретики так называемой партисипаторной демократии.

Партисипаторную демократию сами её сторонники определяют как такую модель демократии, при которой принятие политических решений осуществляется при широкомасштабном и, как правило, прямом участии простых граждан, децентрализованно и рассредоточено [5, р. 4]. Но это определение не учитывает все особенности демократии

участия, отличающие её от разнообразных версий теории демократического элитизма. Так, общими характеристиками для всех сторонников демократии участия являются следующие: представление о том, что демократическое участие ценно само по себе (поскольку играет существенную роль в полноценном развитии личности), а не только для достижения конкретных социальных результатов (что наиболее сильно выражено в работах [6] и [7]); акцент на ценности реального политического равенства граждан, так как именно политическое неравенство является главным препятствием, мешающим народным массам определять политику государства (что особенно акцентируется в трудах [8] и [9]); ориентация скорее на сплочённость (выработку гражданских добродетелей и достижение общего блага), чем на конфликт интересов. Кроме того, партисипаторным демократам свойственно более широкое понимание политики, чем у демократических элитистов, и отсутствие чёткого разделения гражданского общества и государства [10, р. 127].

Теория партисипаторной демократии возникла под влиянием течения «новых левых» (1960-е гг.), заимствовав у него неприятие западного общества потребления, сочетающегося с политическим отчуждением, а также стремление защищать меньшинства, умеренное внимание к марксизму, анархизму и политико-экономической системе социалистических стран. Возникновение демократии участия связано и с событиями 1968 г., которые показывали необходимость реформирования властных отношений. Прежний социальный консенсус, на котором держалась теория и практика демократического элитизма, стал невозможен. Массовые протесты были вызваны ненавистью к существующим политическим институтам и бюрократии, а также к деполитизации через медиа и создание «общества потребления» [4, с. 282–312]. Как писал Г. Маркузе, «демократия в этом случае является наиболее эффективной формой господства» [11, с. 69]. Впрочем, истоки демократии участия можно найти ещё у Х. Аренд, стремившейся дополнить процедуры и институты либерального правового государства и представительной демократии формами непосредственного политического участия через институты гражданского об-

щества, которые только и защищают от массового общества и базирующегося на нём тоталитаризма [12].

Одновременно стоит заметить, что в теории и демократический элитизм, и демократия участия совместимы с различными политическими идеологиями. Действительно, отношение к выборам (представительству) и прямой демократии не коррелирует напрямую с отношением к свободному рынку, государству всеобщего благоденствия или социализму, а также к степени государственного вмешательства в жизнь общества.

Не следует также представлять себе процесс развития западной политической теории как переход к 1970-м гг. от доминирования демократического элитизма к доминированию демократии участия. Так, уже к середине 1970-х гг. кризис государства всеобщего благоденствия привёл к росту популярности «новых правых», представители которых также предложили собственный взгляд на демократию, сводящийся к тому, что кризис легитимности необходимо преодолеть не расширением народного участия, а уменьшением объёма полномочий государства [13].

Одновременно и в стане «левых», по результатам некоторой рефлексии над государством всеобщего благоденствия, возникли предложения уменьшить роль государства и сделать ставку на свободные ассоциации и местные общины (появившиеся в 1990-е гг. версии «ассоциативной демократии» Дж. Коэна и Дж. Роджерса [14], а также П. Хёрста [15], равно как и «инклюзивную демократию» Т. Фотопулоса [16] и «либертарный коммуитаризм» М. Букчина [17], можно рассматривать в качестве примеров). Начиная же с 1980-х гг. постсоциалистическая критика рыночного общества воплотилась в неореспубликанизм, которого придерживались многие сторонники демократии участия [18]. Таким образом, прежние линии разграничения правых и левых идеологий претерпели изменения. Теперь само по себе отношение к степени вмешательства государства в экономику не определяло принадлежность к правому или левому политическому флагу. Однако если определять левые политические силы как отталкивающиеся от коллективизма и стремления к общему благу («гражданст-

венность»), при этом особо ценящие равенство возможностей и отсутствие дискриминации (включая вовлечение в политический процесс рабочих, женщин, а также маргинализированных меньшинств), а правые политические силы как отталкивающиеся от индивидуализма, при этом ставящие свободу выше равенства, то партисипаторных демократов можно считать в целом левыми. С учётом этого Ф. Хайек противостоит партисипаторным демократам не только как мыслитель, не подчёркивающий роль прямой демократии (а потому относящийся к демократическим элитистам), но и как мыслитель правых взглядов.

Необходимо также иметь в виду, что в послевоенной Европе существовал ряд последователей К. Шмитта (Э. Форстхофф, Х. Шельски и др.), которые, в отличие от Х. Арндт, вину за приход нацистов к власти и за коммунистическую угрозу возлагали как раз на чрезмерную политизацию народных масс, а потому скептически относились не только к прямой демократии, но и к парламентаризму [19, с. 182–183]. Таким образом, помимо тех ответов на кризис «демократического элитизма», которые дали «новые левые» и «новые правые», существовало и во многом недемократическое течение, которое в литературе обозначается как «технократический консерватизм» [20, S. 270–273].

Как и сторонники демократического элитизма, опиравшиеся на труды М. Вебера и Й. Шумпетера, апологеты демократии участия пытались найти опору среди мыслителей первой половины XX в., хотя это и оказалось весьма трудным в связи с явной непопулярностью демократии на Западе в межвоенный период. Тем не менее весьма активный интерес разработчики демократии участия проявили, например, к идеям «гильдейского социализма» британца Дж. Коула [21].

3. Достоинства и недостатки демократии участия

Насколько обоснованной в целом является теория демократии участия? Для начала отметим, что двумя столпами теории демократии участия можно назвать ценности политического равенства и политического участия. Партисипаторные демократы утверждают, что уравнивание реальных возможностей политического участия способствует

большой политической вовлечённости народных масс (поскольку реальной причиной политической апатии и отчуждения является отсутствие реальных политических возможностей, а вовсе не отсутствие интереса к политике, как полагали демократические элитисты) и одновременно большая вовлечённость народных масс в политику уравнивает политические возможности. И то и другое в конечном счёте (опять же, по предположению партисипаторных демократов) способствует достижению результата, нормативно правильного в социальном или в индивидуальном смысле (т. е. речь идёт, с одной стороны, о преодолении индивидами своей эгоцентричности, развитии в них гражданских добродетелей и стремления к «общему благу», с другой стороны, о возможности ущемлённых социальных слоёв заявить о своих интересах). С учётом этого критика теории демократия участия может строиться двояко: с одной стороны, можно показать утопичность самих целей полного политического равенства и активного политического участия, а с другой – продемонстрировать, что политическое равенство или большее политическое участие не влекут наступления желаемых последствий. Рассмотрим эти варианты по порядку.

Сторонники демократии участия необоснованно не принимают во внимание того факта, что полного равенства политической грамотности и возможностей политического участия не бывает в принципе, поэтому любая система будет более или менее дискриминационной. В литературе существует несколько предложений по решению указанной проблемы: одни выступают за то, чтобы обеспечить каждому человеку хотя бы минимальный уровень «самоуправления» [22, р. 35–58]; другие предлагают предоставлять больше возможностей по политическому влиянию тем, чьи базовые интересы соответствующее решение затрагивает в большей степени [23, р. 43–48]; третьи призывают устранить лишь крайнее неравенство политических возможностей, порождающее коррупцию или политическую пассивность [24, с. 101–104]. Все эти предложения имеют свои недостатки, и все они показывают, что целью должно быть не полное равенство фактических политических возможностей, а некото-

рая «золотая середина» между их равенством и неравенством.

Вызывает сомнение и ценность политического участия. Так, например, подавляющее большинство партисипаторных демократов выступают за тот или иной вариант рабочего самоуправления на предприятиях. Однако очевидно, что участие рабочих в управлении предприятием не будет ответственным без перекладывания на них соразмерных рисков, но в таком случае речь идёт фактически о формировании новой культуры, в которой рисковать и заниматься бизнесом будут уже не 5–10 % трудоспособных членов общества, а вообще все трудящиеся. Но вряд ли корректно говорить о возможностях для саморазвития, когда человек ежедневно вынужден, помимо основной своей деятельности, погружаться в управленческие вопросы и в рабочее, и в свободное от работы время. Поскольку партисипаторные демократы не стремились навязать всем гражданам какие-то конкретные представления о достойном образе жизни, а также подчёркивали, что их теория вовсе не призывает к максимизации каждым своих способностей и достижению неких «пределов» развития [8, р. 28–32], здесь снова возникает проблема поиска «золотой середины».

Демократия не должна выливаться в навязывание гражданам образа жизни, завязанном на политическом участии. Верно отмечает И. Шапиро, что политическое участие является лишь подчинённым благом, призванным способствовать нашим целям, а не замещать их [25, р. 23–24]. Лишь у небольшого числа людей, отмечает И. Шапиро, политическая деятельность связывается с представлениями об осмысленной и благой жизни. Например, как показывают исследования, повышенный интерес к политике проявляют молодые образованные люди с постматериальными ценностями [26]. В итоге, как и с идеалом политического равенства, мы должны искать «золотую середину» между полным неучастием народа в политике и полной вовлечённостью, с учётом текущих реалий. Некоторые умеренные партисипаторные демократы [27] были заняты как раз поиском «золотой середины», однако общий тренд развития указанной теории оказался иным.

Таким образом, оба столпа партисипаторной демократии (политическое участие

и равенство политических возможностей) не имеют абсолютной ценности. Но сомнение вызывает также их предполагаемая взаимосвязь. Так, даже при наличии реального политического равенства возможна политическая апатия населения, не интересующегося политикой (по сути, всё ещё останется проблема «рационального невежества» [28, с. 25–27, 35–37], так как влияние каждого отдельного гражданина на исход голосования будет минимальным, а потому стимулов для голосования будет немного). Кроме того, само по себе политическое участие широких слоёв населения не гарантирует выравнивания политических возможностей. Не очевидно также и необходимость политического равенства для активизации политического участия и наоборот: декларируемая сторонниками демократии участия цель политического равенства имеет множество иных, помимо увеличения политического участия народа, способов её достижения (в том числе механизмы жеребьёвки [29] и меритократии [30] при отборе политических лидеров), а для увеличения политического участия народа, в свою очередь, не является необходимым политическое равенство.

Приведённая критика касается проблем самих декларируемых целей демократии участия. Но что, если мы примем эти цели как неоспоримые? В этом случае мы вновь сталкиваемся с проблемными местами демократии участия, только теперь уже как средства для достижения тех или иных целей.

Во-первых, хотя сторонники данной концепции предполагают, что политическое участие само по себе способно повысить уровень политической компетентности и политической культуры, данный факт вовсе не очевиден. Возможно, народными массами просто будут беззастенчиво манипулировать [31, р. 149–150]. Кроме того, массовое политическое участие, по мнению ряда мыслителей (Токвиль, Ницше и др.), может повлечь негативное влияние на культуру в целом. В свою очередь, канадский теоретик У. Кимлика замечает: «Наделённые властью граждане могут использовать свою власть безответственно, добываясь благ и прав, которые общество не может позволить себе им дать; или голосуя за освобождение от налогов для себя и урезание помощи нуждающимся...».

Он также пишет, что у граждан всегда будет искушение добиться политических результатов «при игнорировании требований маргинализированных групп» [32, с. 389]. Не исключено также и то, что активизация народных масс, пусть даже непредвзятых, грамотных и неэгоистичных, спровоцирует социальные конфликты.

В действительности важно не только и не столько политическое участие, сколько создание требуемых для него условий. Не в последнюю очередь это обстоятельство привело к появлению концепции совещательной (делиберативной) демократии, концентрирующейся не на массовости политического участия, а на вдумчивости и непредвзятости политических дискуссий. В трудах многих апологетов демократии участия изначально подчёркивалась роль дискуссий в малых группах [7; 33]. Сегодня демократия участия уже не мыслится в отрыве от идеи обсуждения [34]. На самом деле важна не только делиберация, но и другие институциональные особенности политического участия, и только применительно к ним можно говорить о его пользе или вреде.

Таким образом, само по себе массовое политическое участие может иметь негативные эффекты и при этом не иметь ожидаемых эффектов, а уровень политической компетентности и культуры продуктивнее и разумнее было бы достигать иными способами. И надо сказать, ни один из сторонников демократии участия не привёл каких-то убедительных доводов в пользу тезиса о том, что народ является или может быть достаточно компетентным и ответственным для активного политического участия, а их попытки доказать «образовательную» роль самого процесса политического участия оказались не столь убедительными [35, S. 245].

Во-вторых, если конечная цель состоит в том, чтобы преодолеть социальное неравенство и дискриминацию и учесть интересы социально незащищённых слоёв населения, то мы могли бы изучить иные, помимо массового политического участия и обеспечения фактического политического равенства, способы достижения этих целей.

Так, например, более справедливое распределение доходов и богатств, расширение возможностей для получения образования,

замена привычных нам выборов и присущих им избирательных кампаний иными способами отбора политических лидеров могли бы открыть реальные возможности доступа во властную «элику» широкому кругу людей, притом что сама власть по-прежнему осуществлялась бы такой «элитой» и не предполагала бы постоянное задействование всех граждан. (К слову, возможности политического влияния граждан при таких обстоятельствах также существенно выравнялись бы.) Помимо этого, важно разрабатывать способы контроля властвующих элит, не связанные с давлением народных масс (как это имеет место, например, в случае судейского сообщества, самостоятельно контролирующего своих членов), ведь само по себе такое давление не всегда даёт нужный результат и не является панацеей, так как порой политик вынужден стремиться скорее к успокоению толпы, чем к принятию правильного решения.

Здесь следует отметить ещё одну особенность теории демократии участия, связанную с неясностью стоящих за ней нормативных идеалов.

Так, многие сторонники данной теории, вероятно, придерживаются идеала справедливости, который Р. Даль называл «сущностным» (intrinsic) равенством [36, с. 126–130], однако не выражают его достаточно чётко. Так или иначе, с целью достижения этого идеала они стремятся обеспечить фактическое политическое равенство, но не очевидно, что данное средство является наилучшим для данной цели (вполне возможна ситуация «тирании большинства», против которой как раз и была направлена идея демократического элитизма). Что касается индивидуальной перспективы (т. е. целей конкретных граждан, а не общества в целом), то здесь партиципаторные демократы находятся на стороне социально незащищённых слоёв населения, однако не учитывают, что механизмы народного участия в политике вполне могут использоваться самой властью для того, чтобы транслировать народу свою собственную точку зрения [37, р. 162].

Итак, подвергнуть сомнению можно как цели партиципаторных демократов – достичь политического равенства и вовлечь широкие народные массы в политику (ибо в обоих

случаях важно знать меру), так и убеждение в том, что достижение этих целей будет способствовать развитию политических способностей и добродетелей народных масс, необходимых этим народным массам для самоуправления, а также лучшему учёту потребностей граждан и воплощению того или иного социального идеала (т. е. нормативной правильности с индивидуальной и социальной перспектив).

Положительные же аспекты концепции демократии участия видятся в следующем.

Во-первых, в ней подчёркивается значение массового политического участия как действенного средства установления реального влияния населения на политические решения. Однако перспективным видится наделение граждан широкими политическими правами лишь в тех вопросах, с которыми они сталкиваются регулярно и которые при этом не требуют специальных познаний. Не следует забывать, что многие вопросы могут показаться обывателю недостаточно значительными для того, чтобы жертвовать ради них своим временем, что вновь приведёт к апатии и некомпетентности участия [22, р. 125–126]. Кроме того, необходимо помнить и о феномене «избыточного выбора»: разнообразие возможностей нередко отнимает нашу свободу и удовлетворённость [38]. В результате круг вопросов, которые могут быть отданы на откуп массам, оказывается не так велик.

Во-вторых, демократия участия открывает новый взгляд на традиционные либеральные ценности свободы и равенства, показывая, что они изначально являлись лишь средствами для обеспечения каждому индивиду возможностей для самоактуализации. На этом основании апологеты демократии участия вскрывают порочность рыночной культуры, направленной на бессмысленную максимизацию производства и потребления, не покушаясь на основную (либеральную) идею равного права на саморазвитие. Не менее обоснованной критике со стороны апологетов демократии участия подвергся «организационный тоталитаризм» современного общества, т. е. чрезмерная бюрократизация управления, направленная на повышение его эффективности, которая в результате порождает искусственные стимулы (деньги, слава,

власть и т. п.) и, как следствие, отчуждение личности [33].

В-третьих, сторонники демократии участия справедливо подчёркивают немаловажность преодоления экономического неравенства, а также повышения доступности образования.

В-четвёртых, партисипаторные демократии, в отличие от демократических элитистов, уже не рассматривают избирателей как простых эгоистов, но также делают акцент на гражданские добродетели, которые заставляют избирателей учитывать не только свои, но и чужие интересы. Впрочем, это не исключает того, что в рамках демократии участия акцент в нормативном обосновании сделан всё же на индивидуальную, а не социальную перспективу, поскольку никакого конкретного содержательного социального идеала (цели функционирования демократии) партисипаторными демократами не формулируется.

4. Заключение

Завершая рассмотрение достоинств и недостатков идеала широкого политического участия, хотелось бы обратить внимание на следующее фундаментальное философское допущение, которого придерживаются сторонники этого идеала. Они верят, что политическая апатия, свойственная современным «демократическим» режимам и даже способствующая их функционированию, не является раз и навсегда данным объективным обстоятельством. По их мнению, необходимо создать такие условия, при которых гражданам будет предоставлена реальная политическая власть (а не формальное право голоса),

а у самих граждан будут возможности и стимулы для получения любой политически значимой информации. М. Вебер писал: «Весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному» [39, с. 706]. Фактически идеал демократии участия представляет собой такой призыв попробовать достичь невозможного. Этот призыв нельзя запросто отвергнуть, и всё же он не кажется нам до конца убедительным. Так, вряд ли вообще возможно и допустимо заставлять человека участвовать в решении тех общих дел, которые он считает маловажными. Прославляемые сторонниками партисипаторной демократии свободные сообщества, характеризующиеся активностью и взаимной привязанностью своих членов, в действительности организуются гораздо чаще вокруг общих образов жизни, чем вокруг подлежащих разрешению насущных политических вопросов, и связаны скорее с потребностью во взаимном признании, чем с необходимостью исполнения гражданского долга. И это вполне логично: хоть личность и рождена в обществе и потому обязана ему, каждый всё-таки проживает жизнь и умирает сам за себя. При таких обстоятельствах устойчивость системы управления не должна слишком сильно зависеть от степени политического участия масс. Необходимы действенные механизмы, позволяющие этой системе работать, в том числе и в условиях массовой политической апатии. Следовательно, идеал демократии участия должен быть дополнен другими идеалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Menser M.* We Decide! Theories and Cases in Participatory Democracy. – Philadelphia : Temple University Press, 2018. – 360 p.
2. *Желтов В. В., Желтов М. В.* Демократия участия: понятие, политическая практика, механизмы. – Кемерово : Кемер. ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2021. – 112 с.
3. *Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism: A Critique. – Boston : Little Brown, 1967. – 109 p.
4. *Мюллер Я.-В.* Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2014. – 400 с.
5. *Cook T. E., Morgan P. M.* Participatory democracy. – San Francisco : Canfield Press, 1971. – 486 p.
6. *Pateman C.* Participation and democratic theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1970. – 122 p.
7. *Barber B.* Strong democracy. Participatory politics for a new age. – Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2003. – 320 p.
8. *Bachrach P., Botwinick A.* Power and empowerment: a radical theory of participatory democracy. – Philadelphia : Temple University Press, 1992. – 211 p.
9. *Макферсон К. Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.
10. *Cunningham F.* Theories of Democracy: A critical introduction. – London ; N.Y. : Routledge, 2002. – 256 p.

11. Маркузе Г. Одномерный человек. – М. : REFL-book, 2004. – 368 с.
12. Арендт Х. А. Vita activa, или О деятельной жизни. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
13. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
14. Cohen J., Rogers J. Associations and democracy / ed. by E. O. Wright. – London ; N.Y. : Verso, 1995. – 288 p.
15. Hirst P. Associative Democracy. New Forms of Economic and Social Governance. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1994. – 222 p.
16. Fotopoulos T. Towards an Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project. – London ; N.Y. : Cassell, 1997. – 400 p.
17. Bookchin M. The next revolution: Popular Assemblies and the Promise of Direct Democracy. – London ; N.Y. : Verso Books, 2015. – 220 p.
18. Gaus G. F. Backwards into the future: Neorepublicanism as a postsocialist critique of market society // Social Philosophy and Policy. – 2003. – № 20/1. – P. 59–91.
19. Казаков Е. А. Вольфганг Абендрот и Марбургская школа политологии – вузы ФРГ как поле политической борьбы времён холодной войны // НП/НР. – 2018. – № 4. – С. 178–199.
20. Saage R. Demokratietheorien. Historischer Prozess – Theoretische Entwicklung – Soziotechnische Bedingungen. Eine Einführung. – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 325 S.
21. Коль Г. Гильдейский социализм. – М. : Плановое хозяйство, 1925. – 133 с.
22. Kramer D. C. Participatory democracy: developing ideals of the political left. – Cambridge : Schenkman Publ. Co., General Learning Press, 1972. – 249 p.
23. Shapiro I. The state of democratic theory. – Princeton : Princeton University Press, 2009. – 200 p.
24. Урбинати Н. Искажённая демократия. Мнение, истина и народ. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 448 с.
25. Shapiro I. Democratic justice. – New Haven : Yale University Press, 1999. – 333 p.
26. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
27. Scharpf F. W. Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung. – Kronberg : Scriptor-Verlag, 1975. – 93 S.
28. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику. – М. : ИРИСЭН : Мысль, 2012. – 368 с.
29. Рейбрук ван Д. Против выборов. – М. : Ад Маргинем, 2013. – 200 с.
30. Bell D. A. The China model: political meritocracy and the limits of democracy. – Princeton : Princeton University Press, 2015. – 360 p.
31. Birch A. The Concepts and Theories of Modern Democracy. – London ; N.Y. : Routledge, 2007. – 315 p.
32. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
33. The case for participatory democracy: some prospects for a radical society / ed. by G.C. Benello, D. Roussopoulos. – N.Y. : Grossman Publishers, 1971. – 386 p.
34. Перезолова А. С. Практики партисипаторного управления в публичной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – № 1. – С. 122–130.
35. Zeitgenössische Demokratietheorie Band 1: Normative Demokratietheorien / O. W. Lembcke, C. Ritzi, G. S. Schaal (Hrsg.). – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – 481 S.
36. Даль Р. Демократия и её критики. – М. : РОССПЭН, 2003. – 576 с.
37. Wheare K. C. Government by Committee. – Oxford : Clarendon Press, 1955. – 264 p.
38. Шварц Б. Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше». – М. : Хорошая книга, 2005. – 284 с.
39. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–706.

Информация об авторе

Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН

Адрес для корреспонденции: 426004, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

SPIN-код: 3004-0891; AuthorID: 744517

ORCID: 0000-0002-5481-7425

ResearcherID: K-4637-2018

Информация о статье

Дата поступления – 6 февраля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Шавеко Н. А. Концепция партисипаторной демократии: за и против // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 33–42. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).33-42.

PARTICIPATORY DEMOCRACY: PROS AND CONS

N.A. Shaveko

Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia

Introduction. In the late 1960s, the so-called theory of participatory democracy emerged in Western political philosophy, and in the 1970s it became particularly widespread. **Purpose.** The article provides a comprehensive analysis of this theory: its essence is briefly formulated, and then it is considered in what historical and intellectual conditions it arose and developed, and what are its main advantages and disadvantages. **Methodology.** For this purpose, the methods of historical, comparative and normative analysis are used. **Results.** It is noted that the theory arose as a reaction to the democratic elitism that prevailed in post-war Western political philosophy, but did not completely displace it, so today there are well-known supporters of both democratic elitism and participatory democracy. Participatory democracy is criticized from the point of view of its two basic values: political equality and political participation. Both the relativity of these values and the dubiousness of their correlation are shown, and it is also demonstrated that both of these values do not always contribute to achieving normatively correct results. Among the positive features of the participatory democracy is its emphasis on mass political participation as an effective means of establishing the real peoples' political power. Also participatory democracy advocates a productive view of the traditional liberal values of freedom and equality as a means of providing each individual with opportunities for self-actualization. Finally, the emphasis of participatory democrats on the overcoming economic inequality and increasing equal access to education, as well as the view of participatory democrats on voters not as egoists, but as responsible citizens are positively assessed. **Conclusion.** Today the participatory democracy has only limited normative appeal, and the degree of its applicability strongly depends on specific empirical conditions.

Keywords: participatory democracy; democratic theory; political participation; political equality; decentralization.

REFERENCES

1. Menser M. *We Decide! Theories and Cases in Participatory Democracy*. Philadelphia, Temple University Press, 2018. 360 p.
2. Zheltov V.V., Zheltov M.V. *Participatory democracy: concept, political practice, mechanisms*. Kemerovo, Kemerovo Institute of Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2021. 112 p. (In Russ.).
3. Bachrach P. *The Theory of Democratic Elitism: A Critique*. Boston, Little Brown, 1967. 109 p.
4. Müller J.-W. *Contesting democracy: political ideas in twentieth-century Europe*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 400 p. (In Russ.).
5. Cook T.E., Morgan P.M. *Participatory democracy*. San Francisco, Canfield Press, 1971. 486 p.
6. Pateman C. *Participation and democratic theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1970. 122 p.
7. Barber B. *Strong democracy. Participatory politics for a new age*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2003. 320 p.
8. Bachrach P., Botwinick A. *Power and empowerment: a radical theory of participatory democracy*. Philadelphia, Temple University Press, 1992. 211 p.
9. MacPherson C.B. *The life and times of liberal democracy*. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2011. 176 p. (In Russ.).
10. Cunningham F. *Theories of Democracy: A critical introduction*. London, N.Y., Routledge, 2002. 256 p.
11. Marcuse H. *One-dimensional man*. Moscow, REFL-book Publ., 2004. 368 p. (In Russ.).
12. Arendt H. *The Human condition*. St. Petersburg, Aletya Publ., 2000. 437 p. (In Russ.).
13. Hayek F. *Law, legislation, liberty*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 644 p. (In Russ.).
14. Cohen J., Rogers J. *Associations and democracy*. London, N.Y., Verso, 1995. 288 p.
15. Hirst P. *Associative Democracy. New Forms of Economic and Social Governance*. Amherst (MA), University of Massachusetts Press, 1994. 222 p.
16. Fotopoulos T. *Towards an Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project*. London, N.Y., Cassell, 1997. 400 p.
17. Bookchin M. *The next revolution: Popular Assemblies and the Promise of Direct Democracy*. London, N.Y., Verso Books, 2015. 220 p.
18. Gaus G.F. Backwards into the future: Neorepublicanism as a postsocialist critique of market society. *Social Philosophy and Policy*, 2003, no. 20/1, pp. 59-91.
19. Kazakov E.A. Wolfgang Abendroth and the Marburg School of Political Science – universities of Germany as a field of political struggle during the Cold War. *NP*, 2018, no. 4, pp. 178-199. (In Russ.).

20. Saage R. *Demokratietheorien. Historischer Prozess – Theoretische Entwicklung – Soziotechnische Bedingungen. Eine Einführung*. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 325 S.
21. Cole G.D.H. *Guild socialism*. Moscow, Planovoe khozyaistvo Publ., 1925. 133 p. (In Russ.).
22. Kramer D.C. *Participatory democracy: developing ideals of the political left*. Cambridge (MA), Schenkman Publ. Co., General Learning Press, 1972. 249 p.
23. Shapiro I. *The state of democratic theory*. Princeton, Princeton University Press, 2009. 200 p.
24. Urbinati N. *Democracy Disfigured. Opinion, truth and the people*. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2016. 448 p. (In Russ.).
25. Shapiro I. *Democratic justice*. New Haven, Yale University Press, 1999. 333 p.
26. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural changes and democracy: the human development sequence*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p. (In Russ.).
27. Scharpf F.W. *Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung*. Kronberg/Ts, Scriptor-Verlag, 1975. 93 S.
28. Kaplan B. *The myth of the rational voter. Why democracies choose bad policies*. Moscow, IRISEN Publ., Mysl' Publ., 2012. 368 p. (In Russ.).
29. Reybrouck van D. *Against elections*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2013. 200 p. (In Russ.).
30. Bell D.A. *The China model: political meritocracy and the limits of democracy*. Princeton, Princeton University Press, 2015. 360 p.
31. Birch A. *The Concepts and Theories of Modern Democracy*. London, N.Y., Routledge, 2007. 315 p.
32. Kymlicka W. *Contemporary political philosophy. An introduction*. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. 592 p. (In Russ.).
33. Benello G.C., Roussopoulos D. (eds.). *The case for participatory democracy: some prospects for a radical society*. N.Y., Grossman Publishers, 1971. 386 p.
34. Perezolova A.S. Practices of participatory management in public policy. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2018, no.1, pp. 122-130. (In Russ.).
35. Lembcke O.W., Ritz C., Schaal G.S. (Hrsg.). *Zeitgenössische Demokratietheorie Band 1: Normative Demokratietheorien*. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 481 S.
36. Dahl R. *Democracy and its critics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 576 p. (In Russ.).
37. Wheare K.C. *Government by Committee*. Oxford, Clarendon Press, 1955. 264 p.
38. Schwartz B. *The paradox of choice. Why more is less*. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2005. 284 p. (In Russ.).
39. Weber M. Politics as a vocation, in: Weber M. *Selected works*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 644-706. (In Russ.).

About the author

Shaveko Nikolai – Ph.D. in Law, Senior Researcher
Udmurt Branch of the Institute of Philosophy
and Law of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences
Postal address: 4, Lomonosova ul., Izhevsk,
426004, Russia
E-mail: shavekonikolai@gmail.com
SPIN-code: 3004-0891; AuthorID: 744517
ORCID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018

Article info

Received – February 6, 2025
Accepted – July 3, 2025

For citation

Shaveko N.A. Participatory Democracy: Pros and Cons. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 33-42. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).33-42. (In Russ.).